

Москва при К. Арцинтман и Факан
 Александр Дольский, бард с доперестроечной верной славой и даже несколькими пластинками от фирмы "Мелодия" тех же времен, теперь чаще поет свое "Государство синих глаз" и знаменитый романс "Сентябрь. Дожди" на гастролях в других государствах. Но живет по-прежнему в Петербурге на улице Марата, в классическом колодце питерского двора, совсем рядом с Невским.

Дольский, сентябрь, дожди

- На что вы живете?

- На гонорары от выступлений и некоторые свои литературные таланты. Я всю жизнь на это живу, давно уже, с начала 60-х, со студенчества в том самом Свердловском политехническом, который, кстати, заканчивал Ельцин, - тот же факультет, та же специальность в дипломе... вот такие неисповедимые пути. Ельцин сейчас, конечно, на президентском пайке, а я вот - на литературном.

- И вы считаете, что на этот паек сейчас можно прожить?

- Я не считаю. Я живу так. Богатств не имею, но двое сыновей выросли, и третий подросток, 12 лет уже... Жена. Два кота еще, точнее, кот и кошка, тоже не жалуются. Я работаю так всю жизнь. Эстрадные певцы так не умеют. Когда до 50 лет всякие глупости поешь, то поумнеть не успеваешь, а тут новые приходят, со своими новыми глупостями, и ты уже никому не нужен, съемка окончена, и всем спасибо...

- А вы - кому вы сейчас нужны?..

- Судя по тому, что приглашают на гастроли, и, как ни странно, почему-то в Австралию, и даже четыре концерта организуют, - кому-то я еще нужен. Потом, я всегда думал, что меня никогда не издадут. А вот - издали, и такая солидная книжка. Проза там даже есть моя. И живопись. И еще я заметил: если люди что-то старое и слушают, то как раз нас. С нашими песнями, бардовскими, все непросто. Помните, была советская эстрада - Сенчина, Толкунова, Богатиков, кто там еще был? - и советские (или антисоветские, как угодно) барды Галич, Кукин, Клячкин, Высоцкий... Эстраду уже все легко забыли. А бардовские песни не забываются. Те, кто их двадцать лет назад слушал, слушают всю жизнь. На концертах моих просят то же "Государство синих глаз", и "Говорите, говорите, я молчу...", и "Сентябрь. Дожди". Видимо, есть там что-то, что всегда и навсегда.

- Я попытаюсь процитировать "Сентябрь": "Известны исходы парадов, а чем же закончится бой?.." Правильно? Это до сих пор многих беспокоит, что вполне естественно. К тому же в сентябре всегда дожди. Но создать в молодости нечто нетленное и вечное, конечно, приятно, а потом тоже нужно жить...

- А я и живу. Я время себе уже по-другому представляю. Это непросто все очень... Когда-то мне говорили замечательные люди - Райкин, Жюрайтис - про мои песни: "Саша, это же шедевр!" Я радовался, конечно, но думал: "Какой шедевр? Это же очень просто!" А сейчас понимаю, что так мне уже не написать. Ну что ж, я по-другому пишу. Переходишь, переступаешь какой-то порог, и все, единства с залом и народом уже не добиться, сколько и каких стихов ни напиши. После определенной черты нам всем, видимо, нужно идти в одиночку. Туда по коллективным заявкам не пускают. Я не смерть имею в виду, хотя смерть - тоже дело интимное, а жизнь. Если людям хочется услышать старое - что ж, я и сам его очень люблю. Но я убежал от своей публики, я понимаю это, не виню никого, не скорблю и работаю дальше. Думаю.

- У вас остались вопросы, на которые вы еще не нашли ответы?

- Нет, у меня уже на все есть ответы. Может быть, они ошибочны, и я это пойму, и снова отправлюсь искать, но сейчас, на этот сентябрь, я знаю все про себя, природу, мир и все в нем происходящее. Единственное, что мне неясно, - что это за высшая, верховная сила, называемая Богом, Судьбой, еще как-то?.. Атеистическая часть моей сущ-

ности все тщится представить это в какой-то зрительной, вещественной форме. Но пока не получается. И изображения ликов на иконах меня не убеждают. Там показан реальный человек, Иисус Христос. А Бог не показан. Вот об этом я и размышляю - в основном в стихах, конечно. У меня есть довольно большой цикл - "Беседы с Иисусом". Кстати, о нем сейчас в Кельнском университете пишут исследование.

- И что, вы уже знаете, для чего живете?

- Наверное, самую высшую цель я и не знаю. Если бы я знал, что такое Бог, я бы знал, для чего живу. Но практические цели совершенно ясны.

- Посадить дерево, вырастить сына?..

- Да нет. Чтобы к концу жизни стать хорошим. Благородным, честным, настоящим... И хотелось бы - пораньше, пораньше. Не на смертном одре, а хотя бы за три шага до него. Я сам себя своими руками сделал. Я ведь был очень плохой. Я был - ужасный эгоист, и на людей смотрел свысока, и врал часто, и, несмотря на все свои способности, в меня заложенные, - прекрасные способности сочувствовать: когда я читал, я сочувствовал и плакал, и Му-Му мне было жалко, и Белого Бима, - в жизни я не плакал и не сочувствовал. В лучшем случае притворялся. Не так уж давно я понял, что следует стать красивым человеком. А красота заключается в том, чтобы делать все для людей.

Для семьи.

- Для людей или для семьи?

Для всего человечества или для соседа по лестничной клетке? Это же разные вещи...

- Лучше в первую очередь - для семьи и соседа по лестничной клетке. Тогда получается, что и

для человечества тоже. А если наоборот, то конкретной твоей жене может этой любви и добра и не достаться. Когда я что-то делаю для своих близких, для друзей, я испытываю огромное наслаждение. Да, здесь есть самоумиление, самолюбование... Что ж, пусть будет.

- Вы говорите, "к концу жизни стать хорошим". Дстойная, конечно, задача. Но разве ребенок не рождается чистым, как ангел, и не портится в процессе жизни?

- У меня достаточный опыт, и собственный, и родительский, чтобы утверждать: ребенок - страшное существо, наделенное самыми ужасными качествами. Если он живет в такой... советской любящей семье, эти качества только прогрессируют. Если же семья нормальная, то постепенно приобретаются другие черты. Мужчины, то есть мальчики, в детстве особенно отвратительны, я вам серьезно говорю. Возможно, я так думаю, потому что сам никогда маленькой девочкой не был и маленьких девочек не воспитывал, но мне кажется, что женщины изначально чище. Я лично всему самому лучшему научился именно у женщин - и терпению, и доброте, и жертвенности. Даже силе.

- Вы домосед?

- Теперь - да. С возрастом меняется характер. Раньше был - бо-ольшой гулена. А сейчас стал человеком совершенно нетусовочным, дом очень люблю. И в гостях иногда называю друзей-мужиков "Надя" - так привык с женой общаться. Дома, знаете, очень много интересных дел. В том числе - варить сыновьям суп. У нас, между прочим, вегетарианство и сухой закон приняты. Мальчишки не должны видеть, что дома выпивают. Гости курят на лестнице, а выпивают в кафе.

- Вы опровергаете миф о неразрывной связи барда и выпивки...

- Да нет, я хорошо с этим знаком. Это не такой уж миф. Но, поверьте, никакой пользы.

Яна ЯШИНА

